

Татьяна Гаврилина

Болезнь тобой

18+

Татьяна Гаврилина

Болезнь тобой

«Автор»

2026

Гаврилина Т. Н.

Болеть тобой / Т. Н. Гаврилина — «Автор», 2026

Три женщины, три способа любить, один честный финал. Таня и Саша — идеальная пара снаружи и сгоревшая внутри. Он строит замки, она растит кошек. Их любовь похожа на наркотик: эйфория, ломка, снова эйфория. Пока однажды он не уходит к другой. Не скандаля, не разбивая посуду — просто перестаёт брать её сумку и покупать её йогурт. Тихое угасание, которое больнее любого предательства. Лера после смерти мужа решает начать новую жизнь. Вдовушка с квартирой в Москве — идеальная цель. Красивый незнакомец дарит ей страсть, заботу и систематически сводит с ума. Её вещи исчезают и появляются в других местах. Память даёт сбои. Она уже готова подписать документы на квартиру. Но смерть расставляет всё по местам — и Лера находит переписку, где её любовь названа «проектом» и «целью на 15 миллионов». Варя — успешная бизнес-леди, которая 18 лет тайно любила чужого мужа. Её зависимость оказалась фальшивкой, а лекарство — одиночеством. И рыжим котом, который спит на подоконнике и никогда не предаёт.

© Гаврилина Т. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	9
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	11
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	13
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	14
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	18
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	19
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	21
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Гаврилина

Болезнь тобой

ПРОЛОГ

Тот самый разговор

— Любовь — это зависимость, — чуть ли не по слогам произнёс Саша.

За окном моросил дождь. Чай остывал нетронутый. Вова задерживался на работе — срочная вёрстка журнала. Было поздно, десятый час. Саше уходить не хотелось.

Лера молча смотрела ему в глаза. Чёрные, глубокие — провалиться можно. В их глубине — яркий свет и глухое страдание одновременно. Саша всегда казался ей надёжным, крепким, как скала. Таким, кто выдержит любую бурю.

— Твоя зависимость от Татьяны прошла? — спросила Лера, чтобы поддержать разговор. Лицо Саши дёрнулось. Губы скривились.

— Объясни мне, что такое «любовь-зависимость», — продолжила она. — Я раньше курила сигареты с ментолом. Сначала нравилось, голова слегка кружилась. И со стороны — современная, вся из себя. А потом — кашель, бронхит. Зависимость стала в тягость. Бросала — и через день снова хваталась. Только через полгода невероятным усилием, внушением, с большим трудом прекратила. Вот это похоже на любовь?

Я думала, любовь — это что-то возвышенное. То, о чём пишут в книгах: ветер развеивает мои волосы, а юноша смотрит на меня и готов на подвиг. Я думала, любовь — это про силу, про желание защищать. Про то, что он — гора, а она — его воздух.

Саша молчал. Долго. Потом мотнул головой.

— Тебе Вовка рассказал? Зачем он так? Я с ним поделился, советовался, а он...

Он медленно поднялся.

— Пока.

Развернулся и вышел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пять лет назад. Знакомство

Утром того солнечного и безмятежного дня всё и случилось пять лет назад.

— Сегодня едем к моим друзьям. К Сашке и Тане. Они мне уже все уши прожужжали: почему я не знакомлю их со своей невестой?

Лера почувствовала, как воздух в лёгких стал тягучим, будто патока.

Познакомилась с Вовой, когда ей было 24. Щёки вспыхнули. Впервые Вова назвал её невестой. Хотя пожениться решили давно. Ну, как давно? Встречались уже полгода, и как-то само собой получилось — не договариваясь, стали обсуждать свадьбу: в каком месяце, где, кого позовут.

— Мы с Сашкой учились вместе. В десятом классе мы оба влюбились в Таньку. Она выбрала меня. Я с ней встречался: кино, гулянки, разговоры до ночи. За руки держались. Она принципиальная — никакой вольности до окончания школы. Я согласился. Она не современная: не курила, не красилась, не материлась. Ни разу, представляешь? Но характер — взрывной. Чуть что не по её — взбрыкивает, обижается. Может неделями не разговаривать. Бойкот. Мне это надоело, и я сказал Сашке: «Бери её себе».

Вова довольно расхохотался.

— А Сашка? Не обиделся?

— Нет, ты что, обрадовался. Мы одноклассники, сейчас нам по 31. А Танька назло мне стала с ним встречаться, чтобы я ревновал. А я не ревновал — я от неё устал. Сашка — дурак, всем рассказывает, что женился на Татьяне, потому что переспал. «Соблазнил — значит, жениться должен, как честный человек». Его коронная фраза. Вот козёл. У него пунктик: что моё — то ему подавай. Даже если не очень-то и надо. Смотри, не вляпайся. Я предупредил.

Вова вырулил на Новорижское шоссе. Повезло — машин почти нет. Видимо, для этого элитного района Москвы десять утра субботы — слишком рано.

— И как он её соблазнил? — Лера подбросила вопрос, чтобы дорога не казалась длинной.

— Не поверишь. После выпускного наша компания — человек десять — поехали в Строгино — загорать, отдыхать. Шумно, шашлыки. И не только. Пацаны прихватили вино, пиво.

Вова глянул на навигатор.

— И?

— Сашка рассказывал. Она сидела напротив и ржала над его тупыми шутками. Смеялась так, что глаза щурились, а нос морщился. И тут его накрыло. Думает: «Всё, брат, я влип». И влип. Она вдруг вскочила и крикнула: «Догоняй!»

— Да ну! Прямо как в кино, — засмеялась Лера. — Догнал?

— Догнал... Он побежал. Вечер. Впереди её силуэт. Он испугался — не догонит, убежит. Упали в кусты. Вокруг никого.

— Ничего себе! А если б кто увидел?

— Говорит, никого. Темно. Когда всё кончилось, шепнул: «Поженимся. Люблю. Соблазнил — значит, жениться должен».

— А Танька?

— Сказала — подумает. Но он знал — наврала. Через минуту сказала: «Да». Он говорит — лучше слова не слышал.

— Он у тебя прямо писатель. В деталях так расписал...

— Если бы мне одному. Он всем рассказывает, как напьётся. Даже незнакомым.

Въехали на территорию коттеджного посёлка «Европа-2». Сашка номер машины передал охране. Дорога, вымощенная плиткой, — чистая, не пыльная, будто её шампунем вымыли.

Справа и слева — высокие заборы. Глухие, только ворота кованые кое-где. «Хвастаются друг перед другом, — отметила Лера. — Ухоженные участки, море цветов, каменные горки, можжевельники свечками в небо». Воздух чистый, прозрачный.

— Вот это дом!

Лера вертела головой, пытаясь охватить взглядом этот настоящий замок из серого камня.

Ворота бесшумно открылись. Они поднялись по ступеням. Внутри — переплетения арок, проходов, лестниц. Стены выложены тем же серым камнем, что и снаружи.

Навстречу вышла Татьяна. Короткие белые шорты, едва прикрывающие ягодицы, и объёмный белый джемпер. Волосы соломенного цвета, коротко стриженные сзади и широкими прядями спереди, лежали свободной волной. Лицо и ноги загорелые. На лице нет ни следа косметики. Всё естественное. За ней бежали кошки — одна красивее другой: белые, коричневые, чёрные, с шелковистой шерстью. Четырнадцать кошек. Но не пахло ни одной. Словно и нет их. Они подбежали, потёрлись о ноги, помурлыкали — и вдруг исчезли. Осталась только одна — Фрося.

— Самая старая и самая любопытная, — представила Татьяна. — Вам придётся разуться. У нас чисто.

Она покосилась на замшевые ботфорты Леры.

Лера оделась, как картинка из модного журнала: платье из пыльно-коричневой замши до середины бедра, кожаный ремень с акцентом на талии, сумка-муфта — тоже из замши. «Ну, приехали! — она надула щёки. — Я старалась, выбирала обувь под платье. Надену тапки — превращусь в бесформенную клушу».

— Я не разуваюсь в гостях. Дай бахилы. — Лера прикрыла глаза.

— У нас нет бахил...

— Тогда целлофановые пакеты.

— Пакеты мы не собираем. Нет такой привычки.

«Ну да, — усмехнулась Лера. — Только местами ведёт себя по-европейски».

— Наконец-то, Вовка, привёз свою красавицу! Ну, здравствуй. Я Саша.

Перед ней возник высокий стройный мужчина с чёрными волосами и такими же жгучими глазами.

— Лера, — протянула она руку.

Но он, словно не заметив, обнял её и прижал к груди.

«Ничего себе!» — В груди словно включили отбойный молоток — Лера испугалась, что Саша услышит. Она инстинктивно отстранилась.

Таня смотрела на Сашу и думала: «Ну вот, опять. Стою и смотрю на него, как героиня дешёвого сериала. Не хватало только закусить губу и пустить слезу».

— Как добрались? Как дорога? — потянул он её вглубь дома, не обращая внимания ни на ботфорты, ни на её недоумение.

— У вас не дом, а замок. Такие я только в фильмах видела.

— Это мой проект. — Глаза Саши светились. — Вовка, привет! Ты что, не сказал, что я строитель? Я, считай, весь наш коттеджный посёлок построил. Первым поставил свой дом. Набежали соседи. Стали заключать со мной договора.

Взгляд Саши скользил по её лицу, по фигуре. Губы растянулись от уха до уха.

Одна комната перетекала в другую, третью. Наконец они оказались в огромной кухне. Никаких шкафчиков — справа глухая стена, за которой пряталась вся необходимая техника: кофеварка, холодильник, микроволновка, посудомойка. Посередине — квадратный стол с мраморной столешницей, в центре — варочная панель и раковина. В углу — круглый стол из мрамора, вокруг него кресла.

Татьяна поставила на стол высокие стеклянные стаканы с апельсиновым соком.

Сашка потащил Вовку на второй этаж по витой железной лестнице в свой кабинет — курить «настоящие английские сигары».

— Пойдём поплаваем в бассейне, — предложила Таня.

— Я не знала, что у вас бассейн в доме. Мне Вова ничего не сказал. У меня нет купальника.

— Возьми мой, новый, вчера только купила.

Таня протянула купальник и обняла Леру за плечи. Лера ощутила тепло её рук, и благодарная волна накрыла её. В глазах Татьяны она увидела нежность и доброту.

— Извини, я перегнула с разуванием. На улице сухо, вы на машине приехали, твои милые сапожки не могли запачкаться. Я тоже такие хочу. Они у тебя классные! — рассмеялась Таня.

Они вприпрыжку побежали в бассейн, чувствуя себя маленькими нашкодившими девочками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Зависимость

— Послушай, Вовка. — Саша глубоко затянулся сигарой, выпустил дым в потолок. — Я хочу с тобой посоветоваться. Больше не с кем.

Вова молча кивнул. Сидел в кресле напротив, крутил в пальцах сигару.

— Ты заметил, как я на Таньку смотрю? — спросил Саша.

— Заметил. Как пёс на кусок колбасы.

— Сам ты пёс. — Саша усмехнулся, но сразу посерьёзнел. — Вчера она уехала к маме на выходные. Я полдома перевернул. Не спал. Вставал, ходил. Как дурак. Из кухни в спальню, из спальни в кабинет. Включил телик — не смотрю. Выключил — тишина, прямо в ушах звенит.

— Позвонил бы.

— Не мог. Гордость. — Он стряхнул пепел. — А ночью встал, налил себе виски, сижу, пью один. Вот что со мной? Я же мужик. Я коттеджи строю, я людям работу даю, я за всё отвечаю. А без неё — руки трясутся.

— Прямо трясутся? — Вова пристально смотрел на Сашу.

— А ты не смейся. Я тебе серьёзно говорю. Когда она вчера уезжала, я ещё держался. Думал: ну и ладно, отдохну. Сел за комп — работа. А в голове она. Где? С кем? У мамы или, может, наврала?

— Паранойя, — сказал Вова.

— Знаю. — Саша откинулся на спинку кресла. — Я и говорю: я больной. Я заснуть не могу, если мы поссорились. Я её голос слышу, когда её нет. Я её запах на подушке чувствую через три дня после того, как она уехала.

— И что ты хочешь? Таблетки?

— Не знаю. — Саша помолчал. — Я хочу, чтобы это прошло? Вроде да. А представляю, что прошло — и страшно. Потому что тогда зачем всё? Зачем дом, зачем работа, зачем этот чёртов замок, если она на меня не посмотрит? Если я её не обниму? — Внутри — как в заброшенной квартире: окна выбиты, эхо гуляет.

Вова молчал. Долго. Потом спросил:

— Ты ей говорил?

— Что?

— Всё это. Про запах на подушке, про руки трясутся.

— С ума сошёл? — Саша чуть не поперхнулся дымом. — Она же поднимет на смех.

— Не засмеёт. — Вова покачал головой. — Она, может, тоже так же болеет. Только молчит.

Саша посмотрел на друга. В глазах — вечернее небо перед грозой: ещё есть просветы, но тучи уже на подходе.

— Ты думаешь?

— Уверен. Я вижу, как она на тебя смотрит.

Саша допил виски, поставил бокал на стол. Взял сигару, посмотрел на тлеющий кончик, на Вову, потом опять на сигару.

— Значит, будем болеть вдвоём, — сказал он. — Как два дурака.

— Как два человека, — поправил Вова. — Которые друг без друга не могут.

— Это одно и то же.

— Нет. Дураки лечатся. А человек... человек просто живёт с этим.

Саша кивнул. Больше они не говорили. Только сигары дымились, а где-то внизу, на первом этаже, Таня смеялась с Лерой. И этот смех поднимался по лестнице, заполнял кабинет, и Саша слушал его, затаив дыхание. Как наркоман, который только что получил дозу.

— Слышишь? — спросил он.

— Слышу, — ответил Вова.

— Это она.

— Знаю.

Саша закрыл глаза и улыбнулся. Впервые за весь вечер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Что такое любовь?

Вова долго молчал. Сигара в его пальцах почти погасла. Он смотрел на дым, который медленно поднимался к потолку, и, казалось, видел там что-то своё.

— Ты знаешь, — начал он негромко, — а ведь я тоже когда-то так болел.

Саша поднял бровь.

— Ты? Не поверю.

— Было дело. — Вова усмехнулся. — Мне пятнадцать было. Светка. Из соседней школы.

Он замолчал, прикурил сигару заново. Пустил колечко дыма, посмотрел, как оно расплывается.

— Я шёл с ней после уроков. Мы втроём гуляли: она, её подруга Ольга и я. Ольга мне мешала, но я терпел. Потому что Светка была рядом. Я задерживал дыхание, чтобы она не услышала, как у меня сердце колотится.

— Серьёзно? — Саша усмехнулся. — Задерживал?

— А ты нет? — Вова метнул на него взгляд и отвёл в сторону. — Когда Танька рядом, ты дышишь нормально?

Саша хотел что-то сказать, но промолчал.

— Вот то-то, — кивнул Вова. — Казалось, я лечу — буквально. Казалось, если я посмотрю на неё, она обернётся и улыбнётся. А если не посмотрю — она исчезнет.

— И что? Обернулась?

— Нет. — Вова стряхнул пепел. — Сказала: «Мне надоело гулять. Оль, пошли ко мне». И они ушли. А я остался. Стоял посреди улицы, смотрел им вслед. А потом земля качнулась, и я схватился за стену, чтобы не упасть.

Он замолчал. Сигара тлела. Где-то внизу хлопнула дверь, послышался смех Тани и Леры.

— Пришёл домой, — продолжил Вова. — Лёг на кровать. И разревелся, как девчонка. В подушку. В голос. Мать услышала, зашла: «Ты чего, сынок?». А я не мог сказать. Стыдно было. Из-за девчонки реву, как детсадовец.

— И долго так?

— Дня три. Потом отпустило. А через неделю опять накрыло. Я ходил мимо её школы, ждал, когда выйдет. Делал вид, что случайно. А она проходила мимо — и даже не смотрела.

Саша слушал, не перебивая.

— Потом я вырос, — сказал Вова. — Женщины были. Одни нравились больше, другие меньше. Я думал: ну вот она, любовь. А потом приходил домой и понимал: нет, не любовь. Потому что если она не звонит — я не страдаю. Если уезжает — ну и ладно.

— А Лерка? — спросил Саша. — Ты её любишь?

— Лерка — хорошая. — Вова помолчал. — Лучше других. Как картина на стене, которая нравится больше всех. Но чтобы сердце выпрыгивало? Нет.

— Так, может, это и есть нормальная любовь? Без выпрыгиваний?

— Не знаю. — Вова посмотрел на потолок. — Недавно я встретил Светку. Через шестнадцать лет. Шла по улице, располневшая. Волосы коротко стриженные, глаза маленькие, губы тонкие. Я стоял и смотрел. Сердце не выпрыгивало. Ни одного лишнего удара, давление в норме.

— И что? Жалко?

— Жалко. — Вова кивнул. — Не её. Того пацана, который стоял посреди улицы и держался за стену. Который верил, что если она на него посмотрит — весь мир засияет.

— А она посмотрела?

— Нет. Прошла мимо. Как тогда.

Они помолчали. Дым от сигар смешался под потолком в одно серое облако.

— Ты к чему это? — спросил Саша.

— К тому, — Вова повернулся к нему, — что если у тебя до сих пор руки трясутся, когда Танька уезжает, — это дорогого стоит. Не у всех так.

— И что мне делать? Радоваться, что я больной?

— Радоваться, что ты живой, — сказал Вова. — А больной — это который прошёл мимо и не заметил.

Он поднялся, подошёл к окну. За стеклом темнело, фонари зажигались.

— Знаешь, чего я боюсь? — сказал он, не оборачиваясь.

— Чего?

— Что привыкну к Лерке. Что перестану замечать, какая она. Что станет как с теми, кто был до неё — хорошо, но без трепета.

— И что тогда?

— Тогда я стану как все. — Вова обернулся. — А мне не хочется быть как все.

Саша кивнул. Встал, подошёл к другу, положил руку на плечо.

— Не станешь, — сказал он. — Ты у нас художник. Ты всё видишь по-своему.

— Художник, — усмехнулся Вова. — Который рисует одну и ту же картину шестнадцать лет.

— Зато красивую, — сказал Саша.

Вова посмотрел на него, и в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Ладно, — сказал он. — Пошли вниз. А то Танька с Леркой нас заждались. Ещё подумают, что мы тут решаем, как мир завоевать.

— А мы разве не решаем? — улыбнулся Саша.

— Мы решаем, как выжить, — поправил Вова. — В мире, где без одной женщины жить нельзя, а с другой — можно, но скучно.

Вова хлопнул Сашу по плечу и первым пошёл к лестнице. А Саша остался на секунду, посмотрел на два кресла, на пепельницу с обрубками сигар, на дым, который всё ещё висел в воздухе.

«Живой, — подумал он. — Значит, живой».

И пошёл вниз, туда, где смеялась Таня.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Солнечный день. пляж на реке Синичка

— Лера, поехали с нами кататься на сапах. Возьмём напрокат. Есть отличное место. пляж на набережной реки Синичка в Красногорске. Давайте в эту субботу? — позвонила Татьяна. — Там есть чем заняться: волейбольные площадки, настольный теннис...

Они остановились, чуть не доехав до шлагбаума. Идти было около пяти минут. Дорога асфальтированная, с тротуаром, вела немного в горку — там гуляли мамы с колясками, катались дети на велосипедах и самокатах.

Широкой полосой на берегу лежал толстый слой золотистого песка. Перед ним зелёная полоса высокой густой травы с берёзами, соснами и елями, отчего воздух был бодрящим и ароматным. Вдоль берега — длинная череда деревянных настилов с перилами. Несколько площадок с шезлонгами. Сашка с Вовкой и ещё трое мужчин — соседи из коттеджного посёлка пошли на площадку для рыбалки. Лера и Таня спустились по ступенькам с пирса. Вода чистая, прозрачная.

— Самое замечательное — не плавают никакой водный транспорт: ни яхт, ни гидроциклов. Идеально для катания на сапах. Давай покатаемся, пока мальчишки ловят рыбу, — предложила Таня.

— Ой, я боюсь, упаду!

— Не упадёшь! Расставь ноги пошире. Ты похожа на гондольера из Венеции, — смеялась Татьяна.

Лёгкий ветерок обволакивал их.

— Сегодня 33 градуса. Пойдём под тот большой навес и полежим на шезлонгах.

— Ух, какая ледяная вода в душевой кабине! — завизжала Лера.

— Жаль, костры запрещены, — вздохнул Саша. — Но я дома рыбку зажарю — пальчики облизнете. А может, это и к лучшему, нет запаха дыма. Смотрите, сколько наловили!

— А её можно есть?

— Не то, что можно, а нужно. Это плотва — очень вкусная и самая полезная рыба.

У меня такой классный рецепт! Каждую рыбёшку посолить, обвалять в муке. Потом окунать в сбитое яйцо. Масла на сковороде должно быть много. Оно должно кипеть. Фырчать.

— Ну, Саша, так расписал, что захотелось есть, — сосед по коттеджу Антон исподтишка рассматривал Леру. — Пойдёмте вон в ту кофейню, перекусим, — предложил он и показал пальцем на небольшой домик из стекла.

— Здесь только кофе, десерты и мороженое. Лишь заморить червячка.

Уехали в семь вечера. Никаких пробок. Позади жёлтый свет от фонарей вдоль берега мягко освещал золотой песок и широкую неспешную речку.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Тебя искать. День, когда Танька ушла

Татьяна ушла, хлопнув дверью вечером. Из-за какой-то ерунды. Сашка уже и не мог вспомнить. Кажется, он сказал, что она поправилась и сзади из-за ушей видны её щёки. Пошутил. Дурацкая шутка.

Он остался в доме. В их замке.

Сначала он злился. Переходил из комнаты в комнату, ходил из угла в угол, как волк в клетке, и мысленно доказывал ей, какая она дура. «Ну и что такого, что стала похожа на колобка. Мне нравится. Есть за что подержаться. Не люблю плоских. На пляже видел женщину: высокая, стройная сзади, а спереди — гладкая доска. Ни намёка хотя бы на маленькие бугорки. Я прав, она не права — и точка». Написал ей гневное сообщение, потом стёр.

Гордость — это единственное, что у него осталось.

Саша зашёл в гостиную, сел в кресло. Включил телевизор. Через три минуты выключил. Встал, прошёл на кухню. Открыл холодильник — рука сама потянулась к йогурту с клубникой. Она не доела его в пятницу. Он смотрел на стаканчик три секунды, потом закрыл дверцу.

Вышел в коридор. Надел куртку. Снял. Положил ключи в карман. Достал.

Вернулся в гостиную. Сел за компьютер. Открыл почту — письма были, но он закрыл, не прочитав. Потом открыл снова. Потом вкладку с новостями. Потом закрыл браузер.

Встал. Прошёлся по комнатам. В спальне остановился у её тумбочки. Крем для рук, заколка, книга. Он взял книгу, полистал, положил на место — корешком в другую сторону. Поправил. Снова перевернул.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Он взял его, посмотрел на уведомления. Ничего. Положил. Через минуту снова взял — проверил время. Было 23:47. Он знал, что время 23:47, потому что проверял уже пять минут назад.

Лёг на кровать поверх одеяла. Через час встал, налил себе виски. Выпил залпом. Налил ещё. Сел на подоконник, упёрся лбом в холодное стекло. За окном моросил дождь. Он сидел так, пока стекло не запотело от дыхания.

В час ночи он написал ей: «Ты где?» — стёр. Написал: «Прости» — удалил. Написал: «Я дурак» — отправил.

И сразу пожалел.

Вспомнил, как у них было в первый раз. С ней встречался Вовка, а потом она его бросила и переключилась на меня. Она мне всегда нравилась.

Мы поженились. Сначала всё было легко. Я жил своей жизнью — уходил, приходил, был сам себе хозяин. А потом как-то незаметно перестал им быть.

— Тань, ты где? — написал я ещё раз. Гордость — это для идиотов.

Она не ответила.

В груди начинает сосать. Руки холодеют. Я представляю, как она встретила какого-нибудь козла, который сейчас её утешает. Меня накрывает дикая, леденящая душу ревность. Я хватаю куртку, ключи и...

И тут дверь открывается. Входит она. С красными глазами, с мокрым от слёз лицом, с пакетом, из которого торчит бутылка вина. Смотрит на меня исподлобья, как провинившийся котёнок.

— Ты куда? — спрашивает тихо.

— Тебя искать, — говорю я. И это чистая правда.

Она молча проходит на кухню, ставит пакет на пол, поворачивается ко мне. Я стою у входной двери, и между нами этот дурацкий коридор, который кажется длиной в километр.

— Думал, ты у подружки, — говорю я.

— Думала, ты позвонишь, — отвечает она. — Я в супермаркет за вином поехала. Хочется расслабиться.

Я подхожу к ней. Беру её лицо в ладони. Оно холодное, мокрое. И я чувствую, как внутри всё отпускает. Как будто спазм прошёл. Как будто я снова могу дышать.

— Прости, — говорю я. — Ты самая стройная аппетитная булочка. — Замираю. Вдруг опять обидится. — Я обожаю булочки со сладкой начинкой, как ты, — скороговоркой добавляю я.

Улыбка пробивается сквозь слёзы, как солнце сквозь мокрое стекло — размыто, но уже тепло. Нос морщится, глаза щурятся. Всё, как тогда. И я понимаю, что никуда я от этого не денусь. Что она — моя жизнь. Мой воздух. Моё счастье и вдохновение в одном флаконе.

Мы сидим на кухне ночью. Пьём это дурацкое вино. Она кладёт ноги мне на колени, я грею её ледяные пятки. Телефон давно разрядился, и плевать.

— Ты знаешь, — говорю я, — я тут без тебя чуть с ума не сошёл. Прямо трясло всего.

— Правда? — она поднимает на меня глаза. В них ещё стоит влага, но уже светится что-то тёплое. — А я думала, ты только злиться умеешь.

— Глупышка. Мне никто не нравится. Я люблю тебя. Я боюсь, что ты уйдёшь и не вернёшься. И тогда всё. Конец.

Она молчит. Трогает мою руку.

— Это же ненормально, да? — спрашиваю я. — Когда человек становится смыслом жизни. Это же зависимость.

— Зависимость, — кивает она. — Взаимная. Я без тебя тоже, знаешь... в супермаркете вино выбирала и редела прямо у стеллажа. Продавщица испугалась, думала, мне плохо.

Мы смеёмся. Потом замолкаем.

— Значит, будем лечиться? — спрашивает она.

— Не-а, — я притягиваю её к себе, зарываюсь носом в волосы. Пахнет её шампунем, улицей, немного вином. Родным. — Будем болеть дальше. Вместе.

Она что-то бормочет в ответ, но я уже не слышу. Я просто сижу и чувствую, как её дыхание касается моей шеи. И в этот момент я снова жив. Снова настоящий.

Она спала. Ровно, глубоко, как после долгой болезни. Я не шевелился — боялся разбудить. Только смотрел в потолок и чувствовал, как внутри затихает шторм.

«Я как наркоман, — подумал я. — Только доза у меня другая. Не порошок, не таблетка. Её голос. Её руки. Её запах на подушке, когда она уезжает. Я вдыхаю его и не могу насытиться. А когда его нет — ломка. Руки трясутся. В голове шум. Мир становится серым, невкусным, ненастоящим.

Почему я не могу просто взять и перестать? Не могу сказать себе: «Она ушла — и чёрт с ней, я справлюсь?». Не могу. Потому что без неё я — не я. Как будто из меня вынули стержень, и я рассыпаюсь. На куски. На мелочи. На этого бессмысленного, дрожащего, жалкого человека, который ходит по дому и нюхает её вещи.

Она говорит: это любовь. А я не знаю, как назвать. Знаю только, что без неё — пустота. А с ней — боль, страх, счастье. Всё сразу. Как в калейдоскопе. Повернул — другой узор. Но цветов не убавилось.

Может, любовь и есть зависимость. Просто в начале пути она называется любовью — когда сердце замирает, когда мир становится ярче. А в конце — зависимостью. Когда страшно потерять. Когда уже не представляешь себя без другого. Когда он становится не частью жизни, а самой жизнью.

И я не хочу лечиться. Не хочу, чтобы это прошло. Потому что тогда зачем всё? Зачем дом, зачем работа, зачем этот чёртов замок, если она на меня не посмотрит? Если я её не обниму? Если не услышу, как она дышит?»

Она пошевелилась во сне. Прижалась ближе. Я обнял её, уткнулся носом в макушку. Пахло ромашкой, чем-то детским, родным.

— Ты здесь, — прошептал я.

Она не ответила — спала.

Я закрыл глаза и подумал: «Болезнь тобой — это единственное, что я умею правильно. Даже если это болезнь — я выбираю болеть. Всю жизнь. И не выздоравливать никогда».

За окном темно и сыро, мокрый асфальт блестит при свете фонарей.

А наутро мне позвонила Маринка, моя секретарша. Та самая, с которой чуть не закрутился роман, когда мы в очередной раз поссорились с Татьяной. У меня с Мариной было всего один раз. Ничего серьёзного не вышло — я понял, что не могу ни о ком думать, кроме Тани.

— Александр Владимирович, здравствуйте, — голос у неё был странный, напряжённый. — Надо поговорить.

— Марин, я сейчас занят.

— Это важно. Я беременна.

Комната сделала резкий кульбит, и Саша понял, что стоит не на полу, а на палубе корабля в сильный шторм. Он посмотрел на Таню, которая мирно спала в спальне, и вышел во двор.

— Ты уверена?

— Тест показал. Александр Владимирович, я не знаю, что делать. Я не готова быть матерью-одиночкой.

— Подожди, — я попытался собраться с мыслями. — Мы же аккуратно...

— Аккуратно не получилось, — перебила она. — Приезжайте, поговорим.

Я вышел на крыльцо. Достал сигарету, хотя бросил год назад. Пальцы выбивали дробь по подоконнику — морзянку, которую никто не расшифрует.

«Я люблю Таню, — думал я. — Я всегда любил только её. Но ребёнок... Это же мой ребёнок. Я не могу его бросить. Не могу сделать так, как сделал со мной отец».

Я затаился, закашлялся. Выбросил сигарету в лужу.

Я вспомнил своё детство. Отца, который ушёл, когда мне было десять. Мать, которая плакала по ночам, думая, что я не слышу. Я поклялся тогда, что никогда не брошу своего ребёнка. Никогда.

Я поехал. Весь день метался между чувством вины перед Таней и ужасом перед возможным отцовством. Марина встретила меня заплаканная, с тестами в руках. Мы сидели в её квартире на кухне и не знали, что сказать друг другу. Её мать несколько раз проходила мимо, бросая исподлобья взгляды. Она сказала лишь два слова: «Здравствуйте», когда я вошёл, и «До свидания», когда уходил.

— Александр Владимирович, я не буду делать аборт, — сказала Марина твёрдо. — Если вы не хотите — я сама выращу. Но вы должны знать.

Я ушёл от неё в полночь. В голове каша, в душе пустота. Как сказать Тане? Что делать? Я любил одну, а теперь оказался связан с другой.

Дома Таня не спала. Сидела на кухне, смотрела в окно на дождь.

— Где был? — спросила тихо.

— Марина звонила, — выдохнул я. — Она беременна.

Таня побледнела. Посмотрела на меня так, будто я её ударил.

— Ты спал с ней?

— Это было всего один раз, когда мы очень сильно поругались, и ты сказала мне, что не хочешь меня видеть. Чтобы я проваливал. Я понял, что не могу без тебя, и всё закончилось, так и не начавшись. Но, видимо, не совсем.

Таня молчала минуту, две. Потом встала, подошла к окну.

— Ты будешь с ней?

— Нет! — я вскочил. — Тань, я люблю тебя. Я не хочу никого, кроме тебя. Но это мой ребёнок. Я не могу просто отвернуться.

— А чего ты хочешь?

— Я хочу быть с тобой. И хочу помогать ребёнку. Если она захочет оставить.

Таня повернулась. В глазах слёзы, но голос твёрдый. «Господи, я что, всерьёз собираюсь ревновать его к Маринке? Ладно, Маринка — это ещё цветочки. Ягодки будут, когда начну проверять, не изменил ли он с пылесосом», — подумала она.

— Хорошо. Помогай. Но знай: если ты хоть раз посмотришь на неё иначе, чем на мать своего ребёнка, я уйду. Навсегда.

— Спасибо, — шепнул я. — Спасибо, что понимаешь.

— Не понимаю, — ответила она. — Но люблю.

«А что, если я посмотрю? Что, если почувствую что-то?» — подумал я. Я не хотел. Я не знал, смогу ли не хотеть.

Я выбрал. Не головой — сердцем. Я подошёл, обнял Таню.

— Прости, — прошептал. — Я постараюсь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Девушка с лестничной клетки

В школе Марина была твёрдой хорошисткой — без троек, но и без особых талантов. Таких тысячи. Репетиторы, курсы по выходным, бессонные ночи перед экзаменами — и всё насмарку. В институт она не прошла.

Трёх баллов не хватило. Трёх «несчастливых» баллов.

Сидела на скамейке во дворе, смотрела на серое московское небо и пыталась не реветь. Мама сказала:

— Ничего, в следующем году попробуешь снова.

— Мама, ты столько денег выкинула! Я буду стараться. Я обязательно поступлю. Вот увидишь. Ты не пожалеешь. — Марина обхватила маму за плечи и прижалась к ней всем телом. — Мамочка, люблю тебя, — прошептала ей на ухо.

На лестничной клетке она столкнулась с Варварой Петровной.

Та выглядела так, будто только что с подиума. Укладка — волосок к волоску, пальто цвета капучино, духи — дорогие, еле уловимые. Марина всегда терялась в её присутствии. Варвара Петровна была из другого мира — уверенных, красивых, успешных.

— Мариш, привет! — голос такой же ухоженный, как и она сама. — Ну, рассказывай, как успехи?

Марина опустила голову. Колючим комком застряли слова.

— Понятно. — Варвара Петровна вздохнула, тёплая ладонь легла на плечо. — Не поступила?

— На бюджет не прошла. — Голос дрогнул. — На платное предлагали, но у нас... некому платить.

Она не договорила. Мама работала в поликлинике медсестрой, получала копейки. Отец ушёл, когда Марина была в седьмом классе. Алиментов хватало только на проезд и школьные завтраки. Прасковья Ивановна пошла на вторую работу — вечерами мыла пол в Институте стран Азии и Африки, куда Марина собиралась поступать. Репетиторы были из этого же института. По пятницам Марина приходила и помогала маме. Геннадий Андреевич, проходя мимо, подбадривал: «Всё будет хорошо. Я в приёмной комиссии». Но за две недели до экзаменов состав комиссии поменяли.

— Ладно, не вешай нос. — Варвара Петровна улыбнулась. — Я поговорю кое с кем. На фирме моего однокурсника требуется секретарша, прежняя ушла в декрет. Если хочешь, конечно.

Марина подняла глаза. В них плескалась такая отчаянная надежда, что Варвара Петровна отвернулась — слишком больно было смотреть.

— Хочу, — выдохнула Марина. — Очень хочу.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Тайная любовь

Варя помнила номер Сашкиного мобильного наизусть.

Она набрала его в пятницу вечером, когда делать было решительно нечего. Телефон гудел долго, она уже хотела сбросить.

— Саш, привет! — сказала она, когда на том конце наконец ответили. — Тут такое дело... Помнишь, ты говорил, что секретарша ушла в декрет?

— Помню, — голос у Саши был усталый. — Варь, ты что, нашла кого-то?

— Нашла. Соседка моя. Марина. Девчонка толковая, только из школы, институт не потянула. Возьми, не пожалеешь.

Саша помолчал.

— Ладно. Пусть приходит в понедельник. Скажи, от тебя.

— Скажу, — Варя улыбнулась в темноту. — Саш, а ты сам как?

— Нормально. Танька ворчит, кошки орут. Жизнь идёт.

— Ну и хорошо, — сказала Варя. — Дай бог.

Она положила трубку и откинулась на подушки.

Варя смотрела на капли, стекающие по стеклу, и вдруг подумала: «А что, если бы я тогда, восемнадцать лет назад, не промолчала?»

Она стояла у доски со списком поступивших. Пробивалась сквозь толпу абитуриентов, чтобы увидеть свою фамилию, а перед ней стоял высокий парень и загораживал весь обзор. Она дёрнула его за рукав.

— Подвинься! Дай посмотреть!

Он обернулся. И посмотрел прямо ей в глаза.

Варя тогда ахнула про себя. Внутри будто разорвалась небольшая, но очень яркая бомба — осколки тепла разлетелись по всему телу. Она не могла отвести взгляд — стояла и смотрела на него как заворожённая.

«Зависимость, — подумала она сейчас. — Вот она, в чистом виде. Один взгляд — и ты пропал».

— Девушка, тебе плохо? — спросил он. — Как твоя фамилия? Поискать тебя в списке?

— Анисимова... — прошептала она.

Он провёл пальцем по списку.

— Анисимова... Вот! Поступила!

— А ты? — выдохнула она.

— Я поступил, само собой. Вот моя фамилия — ниже твоей. Григорьев.

Они оказались в одной группе.

Судьба была щедра и жестока одновременно.

Варя перевернулась на диване, закинула руку за голову.

Через месяц после того сентября он объявил:

— Девчонки, у меня свадьба. Женюсь на Таньке.

Кто-то спросил:

— Ты её не любишь? Тебя заставляют?

— Нет, ты что? — глаза его округлились. — Наши родители разрешили нам пожениться, если мы поступим в институт. А мы поступили.

Варя на свадьбе пробыла около часа. Пришла посмотреть на его Таньку — и выпала в осадок. Бледная, блёклая, ни бровей, ни ресниц. Единственное красивое — длинные, до лопаток, прямые светло-русые волосы.

«Что он в ней нашёл?» — думала она тогда. И не понимала.

А теперь понимала. Теперь, когда сама попала в зависимость. Не от Саши — от другого. От мужчины, который оказался фальшивкой.

«Любовь — это зависимость, — усмехнулась она про себя. — Только мы называем это красивыми словами, пока нам больно. А когда больно становится невыносимо — начинаем называть вещи своими именами».

Она вышла замуж не по любви, по расчёту. Прожила с мужем семь лет, развелась, осталась с квартирой и чувством пустоты. Фирму открыла сама. Дела шли хорошо, деньги были, а счастья — нет.

Она научилась не замечать пустоты. Заполняла её работой, встречами, делами. Но по ночам, когда город затихал, пустота возвращалась. Садилась на край кровати и смотрела на Варю. И Варя смотрела на неё.

«Зависимость можно лечить, — думала она. — Работой. Деньгами. Новыми проектами. А можно просто заменить один объект на другой».

Она искала замену. И нашла.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Обман и прозрение

Их роман с Артёмом начался на благотворительном аукционе. Она пришла туда от скуки — купить очередную бесполезную картину, потратить деньги, которые не на что было тратить. Он подошёл первым.

— Вы кого-то ищете? — спросил он.

— Саму себя, — ответила она. — Но вряд ли выставили на торги.

Он рассмеялся. И почему-то не отстал.

— Артём, — представился он.

— Варя.

— Вы всегда так коротко?

— Когда не хочу тратить время.

Он смотрел так, будто читал книгу на неизвестном языке — пытался уловить смысл, но пока не получалось.

— А сейчас хотите?

— Не поняла.

— Тратить время. Со мной.

Она фыркнула.

— Наглый.

— Удачливый, — поправил он. — Разница есть.

Варя тогда подумала: «Почему нет?». Ей было сорок, ему — около тридцати пяти. Красивый, ухоженный, с аккуратной бородкой. Ровно то, что нужно, чтобы забыть Сашку. Чтобы перестать думать о человеке, который никогда не будет твоим.

«Я просто хочу почувствовать себя живой, — уговаривала она себя. — Это не любовь. Это просто... развлечение».

Она ошиблась. Это оказалась та же самая зависимость. Только с другим рисунком.

Первые недели она проверяла его. Не специально — привычка.

— Ты где работаешь? — спросила она за ужином в ресторане.

— В инвестиционной компании. Менеджер среднего звена.

— Не густо.

— Достаточно, чтобы пригласить такую женщину, как вы, на ужин.

Он запоминал мелочи. Что она пьёт латте, а не капучино. Что у неё аллергия на хризантемы. Что она обожает старые французские комедии с Луи де Фюнесом.

— Откуда ты знаешь про хризантемы? — спросила она, когда он принёс розы.

— Вы чихнули в прошлый раз, когда проходили мимо бабушки, торгующей хризантемами. Я запомнил.

Внутри что-то треснуло — та самая стена, которую она строила восемнадцать лет.

«Вот он, — подумала она. — Внимательный. Заботливый. Не такой, как тот, кто женился на другой».

Она не знала тогда, что это называется «сканирование». Профессиональный навык охотника за одинокими женщинами.

— Артём, — сказала она. — Ты меня пугаешь.

— Чем?

— Тем, что ты... настоящий.

Он улыбнулся. Поцеловал её руку.

— Я просто внимательный.

Через две недели она позволила себе быть слабой.

Впервые за много лет. Не Варя — успешная бизнес-леди. Не Варя — тайно влюблённая в мужчину. А просто женщина, которую ведут под руку, которой открывают дверь, которая дремлет на чужом плече.

— Артём, — сказала она однажды поздним вечером. — Ты не боишься, что я тебя съем?

— Боюсь, — ответил он. — Но это приятный страх.

Она рассмеялась. И поймала себя на мысли, что смеётся легко, по-настоящему.

— Ты меняешь меня, — сказала она.

— Надеюсь, в лучшую сторону.

— Посмотрим.

Она не знала тогда, что он меняет её не в лучшую. Он делает её удобной. Уязвимой. Зависимой.

Разоблачение пришло банально.

Она заехала к нему домой — в первый раз, без предупреждения. Хотела сделать сюрприз.

Купила вино, шоколад, надела новое платье.

У подъезда сидела женщина. Пожилая, в шерстяном пальто, с сумкой на коленях.

— Вы к кому? — спросила женщина, окинув Варю взглядом.

— К Артёму. В сто тридцать пятую квартиру.

Женщина осклабилась.

— К Артёму? А жену его, Ольгу, вы тоже навестить хотите?

Варя остановилась так резко, будто наткнулась на невидимую стену.

— Что?

— Жена у него. И дочка. Маленькая. Третий год ипотеку платят, а он всё в долгах. Вы, девушка, не первая.

Варя стояла с бутылкой вина и смотрела на дверь подъезда.

«Не первая, — пронеслось в голове. — Значит, я не особенная. Значит, он так с каждой».

Она развернулась и ушла. Не поднялась. Не проверила. Потому что знала — правда.

Неделю она собирала доказательства. Не верила. Хотела ошибиться.

Следила за ним сама. Видела, как он заходит в тот же подъезд. Как выходит с маленькой девочкой за руку. Как целует женщину в щёку утром перед работой.

Она сидела в машине напротив, сжимала руль и думала: «Дура. Какая же ты дура. Восемнадцать лет строила стену — и разобрала её за месяц. Для кого? Для афериста?». А потом подумала другое: «А я ещё Танину любовь осуждала. А сама? Та хоть знала, кого любит — своего Сашку, со всеми его тараканами. А я поверила фальшивке. Подделке».

На восьмой день она набрала его номер.

— Привет, — сказала она спокойно. — Нужно встретиться.

— Варя, что-то случилось?

— Встретимся — узнаешь.

Они сидели в кафе. Том самом, где он впервые поцеловал её.

— Артём, — сказала она. — Расскажи мне про Ольгу.

Он не побледнел. Не замер. Даже кофе не поставил.

— Ты узнала, — сказал он. Без вопроса.

— Узнала.

Он отпил кофе. Поставил чашку. Посмотрел ей в глаза — спокойно, без страха.

— Варь, я думал, ты взрослая и всё понимаешь.

— Что я должна была понять?

— Что мы хорошо проводим время. Тебе разве было плохо?

Она смотрела на него. На его красивое лицо. На руки, которые гладили её спину. На губы, которые шептали «ты необыкновенная».

— Ты использовал меня, — сказала она.

— Не использовал, — он покачал головой. — Мы просто были вместе. Ты дарила мне подарки — я не просил. Ты платила в ресторанах — я не запрещал. Я не грабил тебя, Варь. Я просто был рядом.

— И что теперь? — спросила она.

— Хочешь, я познакомлю тебя со своим другом? — сказал он. — Он холост. Тебе понравится.

Она смотрела на него и не верила своим ушам.

— Ты серьёзно?

— А что? Мы же взрослые люди. Не сложилось — не сложилось. Зачем портить отношения?

Она встала. Достала из сумки деньги, бросила на стол — только за свой кофе.

— Ты прав, Артём, — сказала она. — Мы взрослые люди. Плати за себя сам.

И вышла.

На улице её трясло. Не от холода — от злости и стыда.

«Зависимость, — думала она. — Вот она в чистом виде. И я, и Таня — мы обе в неё попали. Только она — в настоящую, а я — в подделку».

Она села в машину, закрыла глаза.

— Дура, — сказала она вслух. — Какая же я дура.

А потом подумала: «Но я хотя бы поняла вовремя. Не отдала квартиру, не подписала бумаг. Вышла сухой из воды».

«А Таня... — она замялась на этой мысли. — А Таня счастлива. По-своему. По-дурацки, на взгляд со стороны, но счастлива. Она дышит Сашкой, как воздухом. И он дышит ею. Какая разница, как это называется — любовь или зависимость? Если им хорошо — кто я такая, чтобы учить их жизни?»

Она вдруг вспомнила, как Таня смеялась на прошлой вечеринке, запрокинув голову, как Саша смотрел на неё — с таким обожанием, что становилось неловко. «Вот оно, — подумала Варя. — Их счастье. Неправильное, неудобное, не такое, как в книжках. Но живое. Настоящее».

«Я вылечусь, — сказала она мысленно. — Я не буду больше искать замену. Не буду заполнять пустоту чужими людьми. Я просто... побуду одна. И посмотрю, что будет».

На следующий день ей позвонил Саша.

— Варь, привет. Ты Марину свою не видела? Что-то она притихла.

— Саш, мне не до Марины, — сказала она. — У меня свои проблемы.

— Ты чего такая злая? Мужик обидел?

Она хотела соврать. Сказать «всё нормально». Но почему-то не смогла.

— Обидел, Саш. Очень обидел.

— Рассказывай.

И она рассказала. Про аукцион, про Артёма, про жену, про друга, которого он ей предложил.

Саша молчал. Потом сказал:

— Варь, ты извини, но я тебе скажу как другу. Ты умная баба. А ведёшь себя как дура.

— Сама знаю.

— Ты не знаешь. Ты привыкла быть сильной. А когда встретила мужика, который не полез в карман за лаской, расслабилась. И правильно сделала. Расслабляться надо. Но проверять — тоже надо. Ты же бизнес ведёшь. Ты каждую сделку проверяешь. А тут мужика — почему?

Варя молчала.

— Потому что захотелось сказки, — сказал Саша. — Я понимаю. Но сказки, Варь, бывают только в книжках. В жизни — всегда мелкий шрифт.

— Ты философ, — уголки её губ поползли вверх, но как-то криво.

— Я мужик. И я знаю, как мы устроены. Хорошие есть. Но их мало. И они, как правило, уже заняты. Как я.

Варя усмехнулась.

— Ты, Саш, занят. Это да. И, знаешь... я тебе завидую.

— Чему?

— Тому, как ты на Таньку смотришь. Я думала, это болезнь. А теперь понимаю: это просто ваше счастье. И не моё дело, как оно называется.

Саша помолчал. Потом сказал тихо:

— Спасибо, Варь.

— За что?

— За то, что поняла. Многие не понимают. Думают, мы с Таней ненормальные.

— Может, и ненормальные, — Варя улыбнулась. — Но вам же хорошо.

— Хорошо, — сказал Саша. — Очень хорошо.

— Ну и ладно. — Варя вздохнула. — А я себе кота заведу.

— Кота?

— Да. Рыжего. Наглого. Он от меня никуда не денется и обманывать не будет.

Саша засмеялся.

— Правильное решение.

Она положила трубку, откинулась на спинку кресла.

«Стержень, — подумала она. — Хорошее слово. У Тани стержень не сломался — он просто другой формы. Не такой, как у меня. И это нормально».

Она взяла телефон, заблокировала номер Артёма. Потом зашла в соцсети — удалила. Потом открыла ноутбук и написала Марине:

«Марина, завтра в десять у тебя собеседование у Александра Владимировича. Не опаздывай. Варя».

И закрыла ноутбук.

Она не плакала. Не пила вино. Просто сидела в темноте и смотрела на крыши домов.

А потом встала, сварила кофе. Себе. Одной. И выпила его стоя у окна. Горячий. Горький. Без сахара. Такой, какой любила она.

Через три дня Варя улетела в Париж. Одна.

Только маленький кожаный чемодан Louis Vuitton, который она купила себе на сорокалетие, и билет бизнес-класса. Поселилась в отеле на рю де Бак — с видом на Сену.

Она гуляла по улицам, заходила в маленькие бутики, пила кофе с круассаном в старом кафе на Монмартре. Никто не знал её здесь. Никто не ждал. Никто не проверял, где она и с кем.

В Париже она чувствовала себя собой. Не бизнес-леди. Не женщиной, которая восемнадцать лет тайно любила чужого мужа. Не жертвой афериста. А просто Варей. Которая может позволить себе всё. Даже быть одной.

Она сидела в саду Тюильри, смотрела на фонтан и писала в маленьком блокноте:

«Я думала, что любовь — это когда больно. Что страдания — обязательный атрибут. Что если тебе хорошо — значит, это не любовь».

А теперь я думаю: я просто ничего не понимала.

Таня с Сашкой — они живут так, как живут. Ей больно без него? Больно. Ему без неё? Тоже. Но вместе им хорошо. По-настоящему. А я что? Я искала безопасность. Покой. Кота. И это нормально. Для меня.

Просто у каждого — своя форма счастья. У них — зависимость. У меня — свобода. И то и другое имеет право на жизнь.

Я не знаю, встречу ли я кого-то. Может, нет. Но я хотя бы знаю, как он должен выглядеть. Не внешне — внутри. Он должен быть безопасным. Не гореть, как спичка, а гореть ровно, как свеча. Чтобы не обжечься.

Вот такая я стала. Скучная. Безопасная. И, кажется, впервые в жизни — счастливая».

Она закрыла блокнот, убрала в сумку. Достала телефон — сфотографировала фонтан, небо, свои туфли на каблуках, стоящие на гравийной дорожке.

— Варь, ты где? — пришло сообщение от Леры.

— В Париже, — ответила она. — Дышу.

— Одна?

— Одна. И мне хорошо.

Лера поставила смайлик.

Варя убрала телефон, заказала ещё кофе.

Официант — молодой, красивый — спросил с акцентом:

— Мадмуазель одна?

— Одна, — ответила Варя. — И это замечательно.

Он улыбнулся, поставил чашку.

Варя смотрела на каштаны, на голубей, на женщин с колясками и думала: «А ведь я могла бы жить здесь. Или в Лондоне. Или в Риме. Я свободна. Я могу всё. И это знание — лучшее, что у меня есть».

Она допила кофе, подозвала официанта.

— L'addition, s'il vous plaît.

Расплатилась, взяла сумку, пошла к Сене.

Ветер трепал её идеальную укладку. Она не поправила.

Вернулась в Москву через неделю. Загорелая, отдохнувшая, с новыми туфлями и странным спокойствием внутри.

Лера встретила её в аэропорту.

— Ну, как Париж?

— Прекрасно, — ответила Варя. — Я гуляла. Дышала. Думала.

— О чём?

— О том, что я, кажется, перестала осуждать других.

Лера подняла бровь.

— Это как?

— А вот так. Живут люди как умеют. Кто-то — как Таня с Сашей, в своей зависимости. Кто-то — как я, в одиночестве с котом. И никто не знает, что правильно. Потому что правильно — это когда тебе хорошо.

Лера посмотрела на неё внимательно.

— И тебе хорошо?

— Странно, — Варя улыбнулась. — Но приятно.

Они вышли из здания, сели в такси. Варя смотрела в окно на голубое морозное московское небо и не чувствовала привычной тоски.

«Можно быть одной, — подумала она. — И не умирать от этого. Можно быть собой — и этого достаточно».

Она достала телефон, написала Тане: «Тань, я вернулась. Забегай на днях. Кофе попью».

Таня ответила через минуту: «Приеду. Соскучилась».

Варя убрала телефон, откинулась на сиденье.

Рыжий кот, которого она подобрала перед отъездом, ждал её у двери. Марина присматривала за ним.

— Ну что, Рыжий, — сказала Варя, открывая дверь. — Жить будем. Вдвоём.

Кот фыркнул, потёрся о её ноги. И Варя вдруг поняла: вот оно. Не то счастье, о котором пишут в книгах. А простое. Тихое. Без мужчин, без драм, без чужой зависимости.

Человек и кот. И целый мир впереди.

В конце концов, разве не об этом она мечтала все эти годы? Не о принце — о покое. Не о любви — о свободе.

И теперь у неё было и то, и другое.

А Таня с Сашей остались в своей любви-зависимости. И это было правильно — для них. Так же правильно, как для Вари — её тихая квартира, рыжий кот и утренний кофе без сахара.

Каждый выбирает свою форму счастья. Даже если со стороны это похоже на болезнь.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Путёвка в Египет

Марина сидела на кухне, смотрела в окно и не верила своим глазам.

В телефоне висело сообщение от Вари: «Марина, завтра в десять у тебя собеседование у Александра Владимировича. Не опаздывай. Варя».

Она перечитала его пять раз. Потом подбежала к маме.

— Мам, мне работу предлагают! Завтра собеседование! — закричала она.

— Куда? — голос у матери был сонный, но встревоженный.

— В фирму к знакомому Вари! Секретаршей!

— О господи, — мама перекрестилась. — А Варя эта кто?

— Соседка. С четвёртого этажа. Ну, которая в дорогом пальто ходит.

— А-а, — мама помолчала. — Ты с ней осторожнее. Богатые люди — они странные.

— Мам, она мне работу нашла!

— Работу — это хорошо. Но за бесплатно никто ничего не делает.

Марина не стала спорить. Она уже представляла, как купит маме новые туфли, как они пойдут в кафе, как она отдаст долги за репетиторов.

В десять утра она стояла у дверей офиса. Бледная, накрашенная непривычно ярко — подруга посоветовала. Юбка слишком короткая — мать сказала, но Марина не послушалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.